

Портрет старшеклассника

Прежде чем расстаться с моим школьным парнем, я вставила в рамку его портрет. Наши пути разошлись, но я оставила фотографию на полке. Мы мирно расстались, просто пошли дальше и пообещали оставаться друзьями. Я не думала об этой фотографии до тех пор, пока однажды не стала прибираться в комнате, готовясь к поступлению в колледж. Я почувствовала покалывание от того, что кто-то пристально на меня смотрит. Я обернулась и заметила старую фотографию. Потянувшись, чтобы снять ее с полки, я заметила на поверхности каплю воды и попыталась смахнуть ее. Но ничего не вышло. Капля присутствовала на самой фотографии. Я была поражена, потому что никогда прежде не замечала, чтобы мой бывший парень плакал на своей выпускной фотографии. Поскольку мы все еще были друзьями, я позвонила в дом его матери, чтобы спросить об этом моего бывшего парня, но ее голос по телефону был расстроенным... Произошел несчастный случай. Он лежал в больнице в Фарго¹, в коме. Я сразу же поехала к нему и у постели держала его за руку, хотя новой девушке моего бывшего это не понравилось. Кома длилась четыре дня, и когда он вышел из нее, то рассказал матери, что все это время плакал, стучался в стеклянную дверь и умолял, чтобы вернуться в эту жизнь.

¹ Фарго — крупный город в штате Северная Дакота.

*Всем, кто работал в «Берчбарк букс»,
нашим клиентам и нашим призракам*

Каждое произносимое слово в течение всего срока нашей жизни — это часть одного длинного предложения.

*Сунь Юн Шин¹.
Невыносимое великолепие*

¹ Сунь Юн Шин (р. 1974) — корейско-американская поэтесса, писательница, консультант и педагог. — *Здесь и далее прим. пер.*

Туда и оттуда

Земля к земле

Сидя в тюрьме, я получила словарь. Его передали мне с запиской: *«Эту книгу я взяла бы с собой на необитаемый остров»*. Я ждала и другие книги. От моей бывшей учительницы. Но как она, верно, знала, именно словарем можно пользоваться бесконечно. «Срок» — первое слово, которое я в нем нашла. Немыслимый срок длительностью шестьдесят лет прозвучал из уст судьи, верящего в загробную жизнь. Итак, слово с зияющей «с», рокоchущим «р» и воинственной маленькой «к», окружающими чело-веческое «о», изолированное и округлое. Это слово присутствовало в моих мыслях каждый миг каждого дня. Без сомнения, если бы не появился словарь, это легкое слово, которое так тяжело давило, разможило бы меня — а вернее, то, что от меня осталось после невероятной странности всего, что я совершила.

А совершила я преступление, находясь в опасном возрасте. Хотя мне было за тридцать, я все еще цеплялась за физические занятия и умственные привычки девочки-подростка. Шел 2005 год, но я веселилась, пила и употребляла наркотики, как будто 1999-й не миновал и мне было семнадцать, хотя печень то и дело напоминала, что стала на десять лет старше. По многим причинам я еще не знала, кто я такая. Теперь, когда я лучше разбираюсь в подобных вещах, скажу вот что: я женщина уродливая. Я имею в виду, что я не одно из тех уродливых созданий, о которых пишут книги и снимают фильмы, где героиня

внезапно преображается под воздействием ослепительной красоты. Я не говорю о ситуациях, которые учат людей жить. Я некрасива внутренне. Например, мне нравится лгать, и я хорошо умею продавать людям бесполезные вещи по ценам, которые они не могут себе позволить. Конечно, теперь, когда у меня больше такой возможности нет, я продаю только слова. Подборки слов между картонными обложками.

В книгах есть все, что стоит знать, кроме того, что в конечном счете имеет значение.

В тот день, когда я совершила преступление, я растянулась у тощих белых ног Данаи, моей тайной возлюбленной, пытаюсь справиться со своими тараканами. Зазвонил телефон, и Даная поднесла трубку к уху. Она прислушалась, вскочила, завизжала. Сжала телефон обеими руками и зажмурилась. Затем распахнула наполненные слезами глаза.

— *Он умер на руках у Мары. Боже, о боже. Она не знает, что делать с его телом!*

Даная отшвырнула телефон и запрыгнула обратно на диван, завывая и размахивая тонкими паучьими руками и ногами. Я заползла под кофейный столик.

— Туки! Туки! Где ты?

Я забралась на кожаные подушки и попыталась успокоить помешанную подругу, укачивая, прижимая ее голову с растрепанными соломенными волосами к своему плечу. Хотя Даная была старше меня, она была тщедушной, как девочка-подросток. Когда она прижалась ко мне, я почувствовала, как мое сердце забилось сильнее. Я стала щитом, заслонившим ее от всего мира. Или, может быть, слово «бастион» подойдет точнее.

— Все в порядке, ты в безопасности, — произнесла я хриплым голосом.

Чем сильнее она плакала, тем счастливее я себя чувствовала.

— И не забывай, — добавила я, довольная ее жалобным сопением, — у тебя теперь куча денег!

Два дня назад Даная сорвала в казино куш, который выпадает раз в жизни. Но о прекрасном будущем говорить было еще слишком рано. Даная хваталась за горло, пытаясь вырвать трахею, билась головой о кофейный столик. Преисполненная сверхъестественной силы, она разбила абажур и попыталась вскрыть вены кусочком пластика. Даже несмотря на то, что у нее было все, ради чего стоило жить.

— К черту выигрыш. Я хочу его! Баджи! О, Баджи, душа моя!

Она столкнула меня с дивана.

— Он должен быть со мной, а не с ней. Со мной, а не с ней.

Я слышала этот бред в течение последнего месяца. Даная и Баджи планировали сбежать вместе. Абсолютный отрыв от реальности. Оба утверждали, что по части своих желаний попали в другое измерение. Но потом старый мир обрушился на них. Однажды Баджи протрезвел и вернулся к Маре, которая была не таким уж плохим человеком. Например, она завязала, после чего старалась оставаться в ясном сознании. По крайней мере, я так думала. Увы, сейчас можно было сказать, что попытка Баджи снова стать нормальным потерпела неудачу. Хотя умирать — это нормально.

Даная завывала:

— Не знает, что делать с его телом! Что, что, что это значит?

— Ты обезумела от горя, — сказала я и дала подруге кухонное полотенце, чтобы она утерла слезы.

Это было то же самое кухонное полотенце, которым я пыталась убивать тараканов, хотя и знала, что они галлюцинация. Даная приложила его к лицу, раскачиваясь взад-вперед. Я старалась не смотреть на раздавленных тараканов, просачивающихся между ее пальцами. Они все еще подергивали крошечными ножками и размахивали хрупкими стебельками усиков. Какая-то идея пронзила Данаю. Она вздрогнула и замерла. Затем повернулась,

установилась на меня большими розовыми глазами и произнесла леденящие душу слова:

— Мы с Баджи единое целое. Одно тело. Я должна получить его тело, Туки. Мне оно просто необходимо, Баджи, душа моя!

Я скользнула к холодильнику, нашла пиво, принесла ей. Она оттолкнула мою руку.

— Время сохранить головы кристально ясными!

Я залпом выпила пиво и сказала, что время вырубиться.

— Да, нас вырубил! Чистое безумие то, что у нее, которая целый год не занималась с ним сексом, теперь есть его богом данное тело.

— У него было обычное тело, Даная. Он не был богом.

Она не услышала моих слов. Укусы тараканов обжигали. Я расчесала руки до крови.

— Мы идем туда, — решила Даная. Теперь ее глаза пылали огнем. — Мы идем туда, как чертовы морские пехотинцы. Мы должны вернуть Баджи домой.

— Он дома.

Она ударила себя в грудь:

— Я, я, я дома.

— Я ухожу.

Я поползла к сломанной двери. И тут-то начался главный прикол.

— Подожди. Туки. Разве ты не сможешь раздобыть Баджи? Привезти его сюда? Забирай мой выигрыш. Это примерно годовая зарплата учителя, милая. Может, директора школы? Это двадцать шесть тысяч.

Я застыла на четвереньках на липком коврике у входа.

Даная почувствовала мой благоговейный трепет. Я дала задний ход, развернулась и установилась на ее сладкую, как сахарная вата, улыбку.

— Я отдаю тебе деньги просто так. Просто помоги мне, Туки.

Я столько всего видела на ее лице. Видела светящиеся искры, вращающиеся чертовы колеса, покрытые фольгой, и много чего еще. Я видела, как четыре ветра путешествуют по зеленеющему пространству тканого мира. Видела,

как листья выступают из этой фальшивой ткани, закрывая обзор. Но никогда не видела, чтобы Даная предлагала мне деньги. Любую сумму. А эта сумма могла бы поставить меня на ноги. Так волнующе и трогательно. Это было самое важное, что когда-либо между нами происходило.

— О, детка.

Я обняла ее, и она задышала, как нежный щенок, приоткрыв пухлый влажный ротик.

— Ты моя лучшая подруга. Сделай это для меня. Привезти Баджи. Мара тебя не знает. Она никогда тебя не видела. А кроме того, у тебя есть авторефрижератор.

— Больше нет. Меня уволили из «Норт Шор Фудс», — призналась я.

— О нет! — воскликнула она. — Как так вышло?

— Иногда я фрукты себе брала.

Я прятала в лифчик дыни, когда доставляла продукты. Огурцы — в джинсы. Ну, что в этом ужасного? Мои мысли понеслись вскачь. Нанимаясь на новую работу, я всегда делала для себя копии ключей. Когда меня увольняли, возвращала старые, а запасные хранила в коробке из-под сигар с ярлычками, на которых было четко написано, к чему они подходят. Сувениры с работы. Это была просто привычка. Никаких мыслей о нарушении закона.

— Послушай, Даная, думаю, у тебя должна быть карета «Скорой помощи», или катафалк, или что-то в этом роде.

Она умоляюще погладила мою руку.

— Но Туки! Слушай. Все ясно. Слушай! Все же ясно.

Я сосредоточилась на другом. Поглаживание было таким приятным. Наконец ей удалось приковать к себе мой взгляд, и она заговорила со мной, как с неразумным ребенком:

— Итак, Туки, милая? Мара и Баджи снова пустились во все тяжкие, и он умер. Что, если ты принарядишься? Она позволит тебе положить его в грузовик.

— Даная, грузовики, о которых ты говоришь, разрисованы сливами с беконом или стейками с салатом.

— Не показывай ей рефрижератор! Ты вынесешь тело и погрузишь. Оно... — Какое-то мгновение Даная не мог-

ла продолжать. Она давилась словами, как трехлетка. — ...Сохранится в холоде. А потом деньги...

— Да.

Мой мозг яростно заработал от адреналина, связанного с денежными знаками, и мысли бешено закружились. Я чувствовала, как искрятся мои нейроны. Голос Данаи стал сладким и вкрадчивым.

— Ты сильная. Ты сможешь его поднять. Баджи у нас легкий.

Я добавила, что Баджи был жалкий, как крыса, но Даная не обратила внимания на мои слова. Она сияла сквозь слезы, потому что я согласилась выполнить ее просьбу. В тот миг работа, которой я занималась, взяла верх. Ридер контрактов, вот какую должность я занимала в то время. Помощник юриста на полставки, который читает контракты и проверяет условия их исполнения. Я заявила Данае, что хочу заключить сделку на бумаге. Подписанную нами обеими.

Она устремилась к столу и что-то написала. Потом сделала кое-что получше. Выписала чек с множеством нулей и помахала им у меня перед носом.

— Надень платье. Приведи себя в порядок. Съездишь за Баджи — чек твой.

Она отвезла меня на Северный берег. Я направилась к складу. Пятнадцать минут спустя я выехала из него на грузовике для доставки продуктов. На мне были туфли на каблуках, до боли обтягивающее черное коктейльное платье и зеленый жакет. Волосы были зачесаны назад и спрыснуты лаком. Макияж, быстро нанесенный Данаей, был безупречен. За последние годы я не выглядела лучше. Я держала записную книжку и папку, из которой только что вынула стопку школьных заданий дочери Данаи. В сумочке лежала ручка.

Что Даная собиралась делать с Баджи, когда я его к ней привезу? Я задавала себе этот вопрос, гоня по дороге. Что, черт возьми, она собирается с ним делать? Ответа не было. Тараканы снова забрались мне под кожу.

Баджи и Мара жили к западу от Шагега, городка, выросшего вокруг казино, на границе между Висконсином и Миннесотой, в покосившемся сером домишке. Я припарковалась на улице, где грузовик не так бросался в глаза. Тощая псина в конуре рядом с домом подняла голову. Но не залаяла, и это заставило меня похолодеть. Раньше у меня случались стычки с такими безмолвными тварями. Однако эта попятилась. Ее бесцветные глаза закатились, когда я нажала на дверной звонок, установленный, должно быть, в лучшие времена. Изнутри донеслось цивилизованное пиликанье. Мара повозилась с замком и распахнула дверь.

Я встретила взгляд ее опухших красных глаз с искренним сочувствием:

— Соболезную вашей утрате.

Мы протянули руки и сцепили пальцы, как это делают женщины, делясь друг с другом эмоциями посредством неухоженных ногтей. Мара была на диво убедительна для женщины, не знающей, что делать с телом. Она тряхнула лохматой ретрошевелюрой в стиле Джоан Джетт¹. Оказалось, у нее имелись на то причины.

— Конечно, я думала позвонить в пожарную службу², — призналась она. — Но я не хочу слышать сирену! Он выглядит таким умиротворенным и довольным. И мне не нравятся похоронные бюро. Мой отчим был гробовщиком. Я не хочу, чтобы Баджи накачали консервантами и он выглядел, как экспонат музея восковых фигур. Я просто подумала, что положу его где-то там... во вселенной... сделаю несколько звонков...

— Потому что вы знали: вселенная ответит, — подхватила я. — Возвратить человека природе — это естественно.

¹ Джоан Джетт (настоящее имя Джоан Мэри Ларкин; р. 1958) — американская рок-певица, гитаристка, вокалистка, продюсер и автор песен, актриса.

² В Америке пожарную службу вызывают по всем экстренным случаям.